

Ну, доченька, я не знаю, в их такая была, навернае, мода, или што. И вот мы пришлись.

Доченька, ета фсё няшто, войну пришлось такой маленькой [рукой показывает метр от земли] фсю перенясти, я фсю вайну перенясла. Как панаехала немцеф. В нас была маленькая избёшка, а прёдварак был большой-та [указывает расстояние до калитки около 13 метров] да калитки. Приехали немцы. Приехали немцы. Мне вдáлась прятацца ат йих... цэлый месяц. Сястру маю с рябёнкам увязли, увидели в ей вешшы... в чумадане... были... харошые. Они их, яну взяли... маленький рябёнак. Он был гарбатенький.

Ты фсё записываешь, да? Ня нада, ня буду гаварить.
(Ну, хорошо, выключим.)

Связли с этим маленьким рябёнкам... (ня нада, не записывай...) Тагда вот к им падашли, а там были за дярвней, сильна у нас большие акопы были, и мы там спасались... Ах... Голавы сваи спасали, а в мяня тятенька, памяни ево, Госпади, он не хадил, он фсю вайну, две вайне прашол, он не хадил [на войну], он хадил спасал харомы или што-нибудь разведывал. Вот аднажды мы ляжым, а он пришол и гаварит фсем (дярвня-та бальшая, многа была...), ну, и гаварит: вот, вот там шылгуны – видиш, вот там. И гаварит, ужэ... (а немец был один очень харошый, а может, и не немец был... харошый). Гаварит, падвозе меня, и гаварит: «Папа» – и даё бинокль. (Там тагда не была зарошшы, теперь я как в лясу живу, ну...). «Там немец. Папа, там немец, там немец, иди, иди, иди куда-нибудь!», – в акоп пасылал немец тятю.

Вот, ронненькая ты мая, ляжым мы в этам акопе, фсе голавы в землю. Идут немцы, атступають, а фсе гаварили тады: карательный атрад... (Ты записываеш... ня нада). Идё карательный атрад, вот так з дярвни па етаму берегу, где мы ляжым. Первый нясе гранату.

А в мяня были бежынцы приехафшы. Никто в дяревне не пустил, а я фпустила их, тагда не была замужэм, тятя, мама и я. Мы пустили бежынцэф. Адна бежынка па-немецкаму гаварила, и двое детей была маленьких. Никто ня дал ни стакана малака, ни чаво, а в мяня была карофка.

Иде немец, а карофка в этой бежынки выведен туда, пад завал, где мы скрывалися...думаю, и вбьют мяня... Иде первый немец и гаварит: «Мама, дай малака!». Карова была падоен, я паднясу так падойник, был накрыта. Я гаварю: «Пейте, сынки, пейте з Богам». Ани эта малако папили: «Спасиба, мама». Я па-нямецкаму сильна многа знаю, я ф школе учылась при немцэ, па-нямецкаму.

Он нас паблагадарил, и вот, дачуш, не фспели, может, пойдёте, пойдёте по этой трапинке маёй в Рыбакі. Не фспели ани дайти, как ужэ тятя пришол, он такой непаседа в мяня был, прибек, гаварит: «Руские в дяревне!» А мы и гаварим: «Каво ты загавариваешся, ешше толька немцы пришли, и русские в деревне. «Руские, русские в деревне бегают не слышна». Тагда гаварит, немец абек фсех, што нет немцев, руских абек, што нет немцев и гаварит: «Папа, иди, сабирай фсех». И вот толька мы стали фставать, вот пайдёте в Сафóнава... вот тут кресты у нас будут, уже русские танки пришли... ани как вдарили, может быть, ани вдарили поверху; русские танки. А мы сидим, вот так дражым, а тятя мой и говорит: «Вы што, ня нада эта, гаварит, пришли русские нашы танки». И эти немцы, карательный атрят, и нас не вбил человек триццать или сорок, пажалели. А в людях фсе дерявня спалили, а в нас фсе дяревни стаяли.

Вот, дефки, так ы перяжыли.